
ДЕНИС АЛИМОВ
ТЯНУТСЯ
ДНИ НАРКОЗА

Денис Алимов
Тянутся дни наркоза

https://litres.ru/74728319
SelfPub; 2026

Аннотация

Все сильней и сильней стынет кровь.

И вновь новый день заканчивается слишком поздно. На город падает тень.

Сырой туман грязной тряпкой укрывает землю.

Мир успокаивается.

Я чувствую, как мое тело медленно превращается в комок беспомощной плоти. Такой убогой и ранимой.

Жизнь, теплая и прекрасная, она разводит ладони. Ее мягкие пальцы — они уже вдалеке от меня.

Я вижу сон. Сон, не похожий на остальные. В нем мозаикой смешались цвета мира, все мои мысли, картины, чувства и звуки. И он становится более настоящим, чем та реальность, где я уснул. Нет страшней и прекрасней мира, в который я попал, едва закрыв глаза.

Но, закрыв их по одну сторону, тут же открыл по другую.

Содержание

Глава 1. Вечная осень 5
Глава 2. В оковах будней 33
Конец ознакомительного фрагмента. 36

Денис Алимов
Тянутся дни наркоза

Все сильней и сильней стынет кровь.

И вновь новый день заканчивается слишком поздно. На город падает тень. Тень ночи, такой вот снова холодной, проскальзывающей в каждый потаенный уголок.

Сырой туман грязной тряпкой укрывает землю.

Мир успокаивается.

Как успокаивается пульс в моих венах и артериях. Я чувствую, что мое тело медленно превращается в комок беспомощной плоти. Такой убогой и ранимой.

На грани.

Я не могу дышать и сосредоточиться.

Жизнь, теплая и прекрасная, она разводит ладони. Ее мягкие пальцы — они уже вдалеке от меня.

Я вижу сон. Сон, не похожий на остальные. В нем, мозаикой смешались цвета мира, все мои мысли, картины, чувства и звуки. И уже сам сон становится более настоящим, чем та реальность, где я уснул. Нет страшней и прекрасней мира, в который я попал, едва прикрыв глаза.

Но, закрыв их по одну сторону, тут же открыл по другую.

Глава 1. Вечная осень

Не было ничего — ни тьмы, ни света, ни холодных бушующих волн. Даже начала и конца не существовало. Но и бесконечностью нельзя было назвать то состояние, в котором пребывало Сущее.

А потом проснулся я.

День третий...

В городе господствовали низкие серые облака, пеленой укутавшие небо. Все это сопровождалось дождем и холодным осенним ветром. Я стоял на остановке, ожидая трамвая.

Вокруг потихоньку собирались горожане.

В этой однообразной толпе мне виделась только ненависть. Да, именно с таким чувством смотрели на меня их хмурые, уставшие от жизни лица.

Почему? Потому что я был помехой. Конкурент за место в вагоне. Очередной потребитель тепла, все больше и больше съедаемого осенью.

Толпа серых лиц постепенно разрасталась, окружая плотной стеной.

— Посмотри на них, — прошептал на ухо глухой голос, раздающийся, будто из трубы. — Пустышки. Но у каждого свои секреты. Что они там прячут, под своими масками? Тщедушные ничтожества.

Я поглядел на мерзнущие фигурки, набрал полную грудь

сырого воздуха, прикрыл глаза.

— Какой от них толк? Массовка, выродившаяся в плесень, мутировавшая в накипь человеческую.

— Они не могут изменить свою роль, — не согласился я с невидимым собеседником.

— А она у них есть?

Грохот приближающегося трамвая заставил меня отвлечься. Я посмотрел на номер, — 14, — как раз то, что нужно.

Старый вагон, у которого облезла краска, а в районе колесных пар проело ржавчиной обшивку, неспешно остановился. Он и смотрелся как-то несуразно, под небольшим углом накренившись на один бок. Хотя вполне возможно, виной всему было само полотно — оно тоже требовало ремонта.

Распахнулись разболтанные двери, и народ, как по команде, толпой повалил в манящий хоть каким-то теплом салон. Пришлось потолкаться — каждый хотел попасть внутрь, а не остаться на холодном ветру в ожидании следующего трамвая.

Повезло — я занял место у окна. Мне всегда нравилось смотреть на город, проносящийся за стеклом. Иногда это были широкие озелененные улицы или фасады домов с лепниной и стеклопакетами. Но в последнее время я видел только унылые невзрачные домики, старые заводы и ряды пожелтевших деревьев.

И сейчас я наблюдал это. Тянулись километры мокрого асфальта, в котором находило отражение небо.

По стеклу ползли капли.

***

— Еще одна душа склонилась. Встав на колени, млея от собственной беспомощности, она ждет, пока сильнейшие решат ее участь. Как просто: взять и отдать свою жизнь в чужие руки, чтобы кто-то другой сделал за тебя выбор, — голос продолжать шептать мне, а я смотрел на женщину, присевшую рядом.

На какое-то мгновение наши взгляды пересеклись. Тишина.

Женщина поспешила отвернуться и вышла на ближайшей остановке. Она ведь испугалась. Но не меня, а чего-то другого, может того, что скрывалось за моей спиной.

Подул ветер. Листья, пеплом лета, пронеслись мимо.

Я нуждался в отдыхе. Ведь эта осень, эта погода с дождем и ветром, и главное — этот город. Уже не знаю, когда последний раз я видел счастливые лица, слышал смех. Повсюду меня обступало безразличие наблюдателей.

Как отражение в зеркале: сотни таких же, как я, но ни одного настоящего. Сотни реагирующих на меня. Общество? Иллюзия? Реальный мир? Лишь состояние разума. «Я» в чистом виде.

Меня разбудил контролер. Я открыл глаза, достал и показал проездной, а когда от меня отделались, повернул голову

и увидел свое нечеткое отражение в мутном стекле.

Снаружи давно стемнело. Опустевший трамвай нес меня по ночному городу. Но не мимо неоновых вывесок и светящихся витрин магазинов, а по едва освещаемым улицам.

— Нам пора, — оповестил голос из трубы.

***

Тусклого света нескольких грязных ламп на стене дома едва хватало, чтобы осветить пространство. Мне удалось разглядеть лишь первый этаж с черными силуэтами дверей и дюжину зашторенных окон.

Мы шли прямо. Молчали. Удивительно, но до ушей доносилось каждое движение, словно весь мир, что существовал до этого, разом умолк и затаился.

Невозможно было догадаться, где я нахожусь: помимо освещенного куска улицы, увидеть больше ничего не вышло.

— Вот мы и на месте, — голос заставил вздрогнуть.

— Где это мы?

Дом, перед которым стояли, кажется, давно умер, оставшись без жильцов.

— Осмотрись, что ты видишь? — посоветовали мне.

Я видел лишь как ночь, густым киселем окутала мир вокруг, оставив островок света.

— Кроме нас здесь никого нет, — робко произнес я.

— Вот именно! Кроме нас больше никого нет. И кроме этого места ничего нет, — кто-то положил руку мне на плечо. — Шагни за границу и пропадешь... Однако это еще не

значит, что отсюда нет выхода.

Тяжелая рука подтолкнула меня вперед — во тьму.

Я очнулся лишь, когда трель звонка эхом разнеслась по подъезду. Он все звенел и звенел, пока я не отдернул руку.

Потом дверь неслышно распахнулась, и я увидел перед собой девушку.

— Ты что здесь делаешь? — судя по тону, мое появление не очень ее обрадовало.

— Я… я не знаю… А что здесь делаешь ты? — растерявшись, неуклюже извернулся я.

— И я не знаю, — чуть подумав, ответила она, и, словно спохватившись, добавила. — Как ты сюда попал?

— Меня привели.

— Кто?

— Один… один знакомый. Он остался там, внизу.

— Заходи, — бросила она и скрылась за дверью.

Я шагнул следом. Первоначально из-за непривычно тусклого освещения сложно было понять, куда меня занесло, по-видимому, это был длинный коридор. Большую часть его пространства занимал всякий хлам: доски у стены, трубы, разобранная мебель и стопки макулатуры.

— Спасибо, что разбудил, — донесся ее голос и стало светлее.

Темнота растворилась, и воздух наполнили какие-то серые бесформенные комки, плавно проплывающие в пространстве, словно сгустки воды в невесомости.

Один из них медленно приблизился к моему плечу и, соприкоснувшись с ним, беззвучно лопнул, разлетевшись в разные стороны облаком пыли. За ним по цепочке взорвались и остальные. Все моментально заволокло непроглядной пеленой.

Я раскашлялся.

И тут же, словно сработала вспышка от фотоаппарата — меня ослепило, да так и осталось висеть перед глазами белым пятном. И уже не было ни стен, ни потолка, ни пола.

До меня дошло, что теперь я находился посреди бесконечного белого ничего. Как только это осознал, сразу увидел свои руки и тело. А в воздухе поплыли крупные хлопья снежинок. Они опускались откуда-то сверху — шел снегопад.

— Удивительно! Как тебе удалось сюда пробраться? — прошелестел голос за спиной.

— Что?

— То, что ты видишь. Место, которого не должно быть.

— Где я?

— Большая, большая ошибка, — донеслось до меня на границе слышимости. — Опасно стучаться в дверь, закрытую навсегда.

Шло время, снега становилось все больше.

Сначала скрылись коленки, затем полностью ноги, плечи, голова… Наверное, снег так и продолжал падать, поднимаясь все выше.

Я провалился.

***

Не было солнца, и серый рассеянный свет, лившийся из грязных окон, словно пачкал все вокруг.

Напротив меня кто-то стоял. В этом богом забытом подъезде мы разговаривали. Только не знаю, о чем, потому что я плохо понимал своего собеседника.

Мне захотелось уйти. Нет, мне надо было уйти.

Но куда?

Спрятаться от бушующего уныния я не мог. Оно находилось повсюду: на улицах, в квартирах, даже в кабинах лифтов чувствовалась эта горечь.

Как здесь жили люди?

Да просто — они сами являлись частью этого мира. Они его создали. Для себя.

Мой оппонент вдруг развернулся и ушел. Еще одна тень исчезла.

Все это большая ложь.

Вернувшись в квартиру, я прилег. В сумраке комната потеряла свои первоначальные очертания. На стене тикали часы, отсчитывая время. Так медленно. Несколько картин расплылись и превратились в бессмыслицу. Как и все остальное в моем существовании.

Кто ко мне приходил? Чего он хотел? Может, это мой друг, или случайный прохожий? Сосед по лестничной клетке?

Я напряг все силы и с трудом припомнил из нашего раз-

говора, что, кажется, это и вправду был сосед. Он назвал себя Аркадием и что-то рассказывал про свою молодую жену Нину. Так, будто я действительно знал обоих.

Я вдруг начал осознавать, что вообще не осмысливал происходящее. Память — в ней не существовало прошлого. Кем я был? Как тут оказался?

Сейчас у меня не было ни имени, ни фамилии, ни родственников, ни друзей. Только этот сосед.

Все мои попытки не позволяли забраться дальше рубежа, под названием «день третий». Но откуда взялась цифра три, объяснить я тоже не мог.

Не помню. Не знаю.

А голос из трубы? Кто со мной тогда разговаривал?

— Я обладатель многих имен: Деймос, Лич, Джошуа, Аздай, — тут же зазвучало со знакомой интонацией. — Но ты можешь звать меня Мурмукс.

— А как ты сюда... — я обернулся, но никого не увидел. — Ты вообще где?

— Рядом.

— Так покажись, я хотел спросить у тебя кое о чем.

— Задавай любые вопросы. Тебе вовсе не обязательно меня для этого лицезреть.

— Что происходит? Кто ты и откуда? Почему я не могу ничего вспомнить?

— Из ниоткуда. Прости за банальность, но другого объяснения, боюсь, ты сейчас не получишь. Почему ты не можешь

вспомнить прошлое? А ты думаешь, оно есть?

— У всех есть прошлое. Его не может не быть. Из-за чего я не могу его вспомнить?

— Подумай. Рано или поздно все становиться на свои места. Что если, ты не хочешь его вспоминать? Или же его действительно у тебя нет. Знаешь, как у младенца, только появившегося на свет.

Кажется, он не собирался отвечать ни на один из моих вопросов, постоянно увиливая от ответа.

— Но кто я? Скажи хоть мое имя.

— Свое имя ты выбираешь сам, здесь оно может быть любым, — витиевато парировал он.

— Значит, мое настоящее имя ты не знаешь?

— Настоящее? Оглянись, разве ты видишь где-нибудь хоть что-то настоящее?

— Что вообще тебе от меня нужно?! — перебил я его.

— Мне? — рассмеялся он. — Это тебе от меня что-то надо, а не наоборот.

— Хватит увиливать и говорить всякие глупости, скажи прямо! Кто ты и что происходит?! — я вскочил с дивана и зажег свет.

Больше со мной не разговаривали. Мурмукс умолк.

Видимо, все ответы придется искать самому.

Пусто, опять пусто — я открыл следующий ящик стола, но и в нем ничего не нашлось. В погоне за своим прошлым я обыскал всю квартиру, перерыл шкафы, столы, тумбочки,

но чего-либо, что хоть как-то могло помочь мне, не обнаружил. Лишь обычная одежда, книги, разные бытовые мелочи. Только все эти вещи ни о чем не говорили.

Ни фотографий, ни документов. Меня словно вообще не существовало.

Однако я помнил эту квартиру. Знал, где лежали полотенца, какие книги стояли на полке, где была испачкана стена или какую часть плитки понадобилось поменять в ванной. Я здесь жил, и при том не один год. Но куда пропали все следы моей прошлой жизни?

Вопросы, вопросы, вопросы... И ни одного вразумительного ответа. Куда я попал? Мир вокруг, — точнее один-единственный город, — был ли он реальностью? Горожане, больше напоминающие бездушных кукол, нежели людей, чувство горечи, там, в глубине организма — они были настоящими?

Я включил телевизор. Шла какая-то программа, ведущий долго объяснял что-то на камеру. Он все говорил и говорил, а мне не удавалось вникнуть в смысл его слов — он терялся, так и не добравшись до мозга, распадаясь на бессмысленные фразы.

Уставший, я присел.

Что будет завтра?

Динамик телевизора не переставал работать, но мое сознание уже погружалось в мягкий и такой приятный мрак.

***

И снов никаких нет.

Нет ничего.

Ничего вокруг.

Вокруг лишь пустота.

Пустота чувств, времени, пространства и жизни.

Жизни и моего прошлого нет, оно исчезло.

Исчезло, я помню лишь третий день.

День, когда все началось.

Началось, но как-то невзначай.

Не существовало вопросов.

Но были ли тогда ответы?

Ответы.

Нет никаких снов.

Снов, которые вернули бы меня в прошлое.

Вернули бы меня в прошлое.

Вернули бы меня.

Меня.

Около раздавалось какое-то гудение. Мне пришлось повернуть голову, чтобы понять, откуда идет звук: его издавал аппарат неизвестной мне конструкции. От него тянулись какие-то провода, а еще на передней панели горели несколько лампочек. Они светили белым, но затем приобрели фиолетовый оттенок. Аппарат вдруг зашипел.

Шипение.

Помех на экране.

Черных и белых точек.

Белых точек.

Их все больше.

Они стали тише и медленней.

Их много.

Кроме них ничего нет.

— Стой, — прошептал Мурмукс и схватил меня за плечо. — Тебе туда нельзя. Один шаг и ты пропал. И даже мне не удастся помочь. Никто уже не поможет. Очнись, ты так долго спишь. Проснись. Она все чувствует.

Белое пространство потрескалось, заколыхалось, и чьи-то невидимые руки разорвали его на куски.

***

Открыв глаза, я увидел далеко внизу черную воду. Блики вспыхивали на ее неровной колыхающейся поверхности. Мой спутник держал меня — я чувствовал его крепкую хватку. Именно благодаря ему мое тело до сих пор не сорвалось.

— Только не дергайся, — предупредил он.

Сразу стало ясно, что ему стоило больших трудов удерживать меня. Я раскачивался из стороны в сторону и, кажется, медленно сползал — Мурмукс терял силы. Одно неверное движение и я свалюсь.

— Что случилось?! — испуганный крик вырвался из моего горла.

— Форс-мажор, — он попытался подтянуть мое тело, но сил не хватило. — Не нужно мне было быть таким самонадеянным. Я оказался слишком уверен в своей исключительности.

— Вытащи меня! Какого черта я делаю здесь?!

— Попытайся не шевелиться, мне трудно тебя держать. Возьмись за вторую руку.

Однако ухватиться за другую руку не получилось.

Мурмукс продолжал что-то говорить, но его я уже не слышал. Зато до ушей отлично доносился шум воды. Она, наверное, была холодной, обжигающе холодной.

«Ты такой теплый. Все те, кто отверг тебя, померкнут в моих объятьях. Твое тело мягкое и беспомощное: я спрячу его глубоко внутри. И тебе станет по-настоящему уютно. Вся горечь нынешнего существования исчезнет, растворится во мне. Расслабься, просто закрой глаза и лети. Не будь глупцом, все равно ты не найдешь ответов: он не даст это сделать», — гонимая ветром, вода неслась дальше по течению.

Я посмотрел наверх. Был виден край моста, рука, держащая меня, фонарь и черное непроглядное небо.

— Проклятье, — послышалось над головой.

Это был Мурмукс. Он сказал спокойно и ровно, будто бы и ничего и не произошло.

Необыкновенная легкость охватила тело. Я по-прежнему смотрел вверх — мост, рука и фонарь стали отдаляться. В полете меня перевернуло на живот, и я успел увидеть отблески на кажущейся маслянистой поверхности воды.

Удар. Настолько сильный, что я оглох и ослеп.

А потом тишина.

«Ты и вправду такой теплый...», — она забралась под

одежду и медленно, но верно потянула на дно.

***

Я очутился посреди бескрайней белой пустыни, наполненной лишь снегом. Ноги утопали в нем по колено, огромные белые хлопья, плавно кружась, опускались с неба.

Хотя, если честно, никакого неба я не видел — наверху был только снег, падающий оттуда. Так же, как и сзади, впереди и по бокам: снег окружал меня повсюду.

И что теперь делать?

Я посмотрел по сторонам, присел и зачерпнул горсть — снег был мягкий и почти не холодный. Удивительно, но от тепла моего тела он таял очень медленно.

Собравшись с мыслями, я решил идти вперед.

Но эта белая пустыня, похоже, действительно была бескрайней — прошло несколько часов, однако окружающий пейзаж не изменился. По-прежнему валил снег, кроме которого словно ничего и не существовало.

Я осматривался и часто останавливался, прислушиваясь к окружающему миру: кажется, я действительно был здесь один.

Наконец, решив сделать привал, я присел на корточки, чтобы отдышаться и подумать о дальнейших действиях.

Идти дальше? Или сидеть и ждать?

— Кто-нибудь!!! — закричал я во все горло. — Помогите! Кто-нибудь! Мурмукс!

Крик таял в нескольких шагах от меня, словно натыкаясь

на невидимую стену.

Я продолжил путь.

Мысли навалились на меня всей своей тяжестью. Их было много, возможно, столько же, сколько снежинок в этом месте. Чтобы хоть как-то отвлечься, я принялся считать про себя.

Один, два, три...

Тысяча пятьсот семьдесят шесть...

Десять тысяч семьсот одиннадцать...

Двадцать тысяч...

Двадцать восемь тысяч триста двадцать один...

— Устал?

Я сначала не заметил чужого голоса, и продолжал считать.

Тридцать одна тысяча двести…

— Ты, кажется, действительно устал, — на этот раз я уловил сказанное.

Женский голос рассмеялся. Но в отличие от моих криков, смех эхом разлетелся повсюду.

Я сошел с ума. Вот так вот взял и сошел с ума.

— И долго ты тут бродишь, один-одинешенек?

— Я?

— Ну не я же.

— Не надо!

— Что не надо?

— Смеяться! Это очень громко!

Я вдруг увидел впереди тень. Размытую, словно расплыв-

шиеся чернила. Она приближалась, и с каждым шагом ее силуэт приобретал все более четкие формы.

Меня охватило странное чувство: изнутри вырывалось что-то забытое, однако часть моего сознания испугалась неведомой гостьи.

Хотя это лицо — я ведь его уже видел.

— Давно здесь? — спросила та самая девушка из подъезда.

— Не знаю, может быть. У меня нет с собой часов, чтобы понять. Мы знакомы?

— Виделись не так давно.

— А откуда ты?

— Из ниоткуда.

— Что это за место? Можешь сказать, как мне отсюда выбраться?

— Слишком много вопросов для одного раза. Давай, — она задумалась. — Давай, ты выберешь один.

— Как отсюда выбраться?

— Тебе это действительно надо?

— Да!

— Странно, ты даже не хочешь узнать, кто я, — она пристально посмотрела на меня. — Хотя это из-за памяти. Ты ведь ничего не помнишь?

— Нет.

— Хорошо, — она усмехнулась, но сделала это с некоей горечью. — Еще успеем поговорить. Я верну тебя обратно,

но наша встреча не последняя, запомни это.

Она развернулась и ушла. Сначала четко очерченная, ее спина с каждым шагом расплывалась все сильней и сильней, пока снег и вовсе не скрыл ее из вида.

Я побежал следом, но не нашел. Ее словно здесь и не было.

Что теперь делать? И где выход?

Усталый, я лег. Снежный покров, наподобие мягкой подушки, удерживал мое тело — я не утопал в нем, а лежал на поверхности.

Опять тишина.

Глаза, утомившиеся от однообразного света, исходившего, будто отовсюду сразу, закрылись сами собой.

Я чувствовал, как на мое лицо медленно опускались мягкие хлопья.

***

Страшная судорога прошла по телу, а изо рта потоком хлынула вода. Я закашлялся. Подо мной покоился мокрый и остывший речной песок.

— Я начал подозревать, не выберешься, — невозмутимо произнес Мурмукс. — Тебе сильно повезло в этот раз...

Было холодно. Вся моя одежда промокла, прядь волос сползла на лоб. Поправив их рукой, я присел. Тело, особенно грудь и живот, болели.

— Как там? — бесстрастно осведомился мой собеседник. — Увидел подводное царство?

Мурмукс сидел рядом, однако в окружавшей темноте его

лицо разглядеть не удалось.

— Я был не в подводном царстве, — ответил я, отдышавшись.

— И где же ты был?

Я немного выждал: говорить было еще тяжело, горло саднило, а по телу била дрожь.

— Там, где много снега и ничего больше нет, — наконец выговорил я. — А еще я видел девушку. Ту, которая открыла мне дверь в подъезде. Она помогла мне выбраться.

— Девушка помогла тебе выбраться? — странно было слышать в его голосе удивление.

— Она так сказала, что поможет выбраться, — я посмотрел на реку, через которую проходил высокий мост. — Это ты меня вытащил из воды?

— Я. Она еще что-нибудь говорила?

— Удивилась, что я не хочу узнать, как ее зовут. Ты знаешь, кто она?

— Ответ должен знать ты, а не я, — Мурмукс поднялся. — Нам уже пора, это был слишком долгий день.

Он помог мне встать, и мы вместе пошли к дому. Моему дому.

Идти с ним было странно: он шел и молчал. Я же никак не мог разглядеть его лица. Сколько ни пытался, но оно постоянно находилось в тени, которую не могли развеять ни фары проезжающих машин, ни фонари на улицах.

Бросив бесполезное занятие, я осмотрелся по сторонам.

Неподалеку виднелись дома. Темные, без света в окнах, они напоминали вздыбившиеся скалы. Кто-нибудь, интересно, жил там?

Изредка по пустынной дороге мимо проносились машины. Однако меня не покидало чувство, что мир умер, остановился. Пока шли, мы не встретили ни одного запоздалого прохожего.

Вскоре свернули и потихоньку стали удаляться вглубь района, застроенного большими панельными коробками. Самый настоящий городской лабиринт.

— Думаешь о том, существует ли здесь кто-нибудь кроме нас? — неожиданно спросил мой спутник.

— Есть такое, — согласился я.

— Дома стоят, будто пустые, их окна напоминают глазницы мертвеца. Там словно бы никого нет. А эти машины, изредка освещающие фарами обочины? Тебе кажется, внутри них пусто и двигаются они, словно заводные машинки из детства.

Не знаю, почему, но мне не показалось странным, что он практически в точности озвучивал мои мысли.

— В позднее время, сомневаюсь, что кто-нибудь захочет вылезти на улицу, — ответил я ему совершенно другое, не желая, чтобы он догадывался о схожести наших мыслей. — Вот и все объяснение, почему мы никого не встретили.

— Хочешь сказать, ты не чувствуешь? Город умер. Где хоть один житель? Тот самый, настоящий, а не безликая

тень?

— Это все кажется, — зачем-то взялся я с ним пререкаться.

— А ты зайди в любую квартиру и проверь. Просто нажми на звонок, и дождись, пока тебе откроют дверь.

— И ради чего проверять? — как-то сам по себе я начал злиться. — Ты, судя по сказанному, и так обо всем знаешь. Это твой город, а не мой.

— Я знаю не настолько много, как ты себе представляешь, — он остановился и указал рукой на обыкновенную девятиэтажку. — Сходи, проверь. Не так уж и сложно.

Мурмукс продолжал стоять на одном месте и молчал. И дальше, наверняка бы не сдвинулся, пока я не позвоню в чью-нибудь квартиру.

В любом другом случае, я попросту бросил бы его и пошел дальше сам. Но одному мне оставаться не хотелось.

Я не стал спорить и направился к зданию. Как и все остальные вокруг, оно ничем не выделялось. Поднявшись на крыльцо, я быстро подобрал код к железной двери и вошел в подъезд.

Все казалось привычным: разрисованные стены, не очень приятный запах и замусоренный пол. Куцая лампочка освещала лестничную площадку первого этажа. Я поднялся по грязным ступеням, и прямо передо мной нарисовались четыре двери.

В какую же позвонить?

— Это слишком просто. Поднимись на пятый, — посоветовал Мурмукс, стоя прямо за моей спиной.

Мне захотелось послать его куда подальше. Но я не мог этого сделать: я почему-то какой-то своей частью понимал, что надо действовать так, как он говорит. И что от этого зависит моя жизнь.

Поднявшись, я не стал долго думать и выбрал дверь, оказавшуюся ближе всех. Меня проигнорировали. Позвонил во вторую. Опять никто даже и не думал реагировать. Потеряв всякую надежду увидеть хоть одно человеческое лицо, я подошел к третьей двери и нажал на звонок. Тишина — звонок молчал. Скорее всего, сломался.

«Я забыл его починить», — сама собой промелькнула мысль в голове.

Что?!

Моя рука медленно взялась за ручку двери и привернула ее. Тихо щелкнуло, и дверь открылась.

Откуда я знал, что звонок сломан? Неужели я бывал здесь раньше?

Я шагнул в темноту, кое-как нащупал рукой выключатель на стене и включил свет.

Интерьер, окружавший меня, оказался знакомым. Цвет обоев, вешалка с одеждой, обувь — я раньше видел это.

Сейчас было самое время объявиться Мурмуксу, вот только он не появлялся. Ни в коридоре, ни на лестничной площадке его не было. Мой спутник испарился.

Почему он так поступил? Ведь не просто так он завел разговор и выманил сюда. Мурмукс знал, что я вспомню это место.

Его подсказка?

***

Более не задерживаясь, я решил уходить. Но едва я ухватился за ручку, как тут же отдернул руку: металл холодом обжег кожу. Ручка быстро подернулась инеем, а потом и все дверное полотно.

Дерево, покрываясь снежной коркой, громко затрещало.

Я отошел.

Иней переметнулся на пол, начав расползаться. Изо рта уже шел пар — воздух стремительно охлаждался.

Я забежал в комнату и рванулся к ближайшему окну. Открыв створку, посмотрел вниз: вид с пятого этажа показался весьма непривлекательным — под окном не росло ни деревьев, ни кустов, лишь голый асфальт. Прыгать было не вариант.

Уйдя от окна, я остался в комнате и принялся ждать. Но холод не спешил ворваться сюда. Наконец, осмелев, вернулся в коридор. К этому времени дверь приобрела нормальный оттенок, да и в глазке я разглядел прежний подъезд. Воздух потеплел.

Что это было? Очередной фокус, никак не укладывающийся в сознании? Может, уже можно было выйти и наконец-то дойти до своей квартиры?

Но вдоволь поразмыслить мне не дали: дверь сама открылась, и на пороге показался Мурмукс.

В это раз я смог разглядеть его лицо: оно было до невозможности обычным, и, увидев такое в толпе, любой человек прошел бы мимо. Обращали на себя внимание лишь глаза — слегка раскосые и слишком карие, казавшиеся непроглядно черными.

Мне сразу стало не по себе, когда он взглянул на меня: там за темной ширмой определенно присутствовало еще что-то.

Мурмукс очень широко улыбался, однако улыбка была настолько фальшивой, что даже ребенок смог бы распознать обман.

— Немного задержался, — как бы извиняясь, буркнул мой спутник.

После того, как он подошел ближе, я увидел исцарапанную щеку.

— Здесь опять происходило что-то непонятное. Дверь вдруг покрылась инеем, и стало холодно, — поспешил пожаловаться я.

— Рад, что ты не замерз до смерти, — как бы невзначай бросил он, потирая лицо.

— Каково лешего тут произошло? И куда делся ты? И почему у тебя щека исцарапана?

— Щека? — подивился он и прильнул к зеркалу, что висело тут же, в коридоре. — Как неаккуратно. У твоей знакомой так себе манеры.

— Это она тебя поцарапала?

— Ну не я же, — он покачал головой, осматривая царапины. — Ей бы поучиться правилам хорошего тона.

— За что она тебя?

— Пойди, пойми этих женщин, — Мурмукс наигранно усмехнулся и, потеряв всякий интерес к своему отражению, перевел свое внимание на меня. — Но не будем о грустном. Как тебе квартирка? Никаких докучающих соседей, пятый этаж, отличный вид из окна. Мечта, а не квартира!

— Ты меня вообще слышал? Только что все чуть не заморозилось.

— Но не заморозилось же.

— Это место мне почему-то знакомо. Ты знаешь, почему?

Мурмукс продолжая улыбаться, глянул на меня с хитрым видом. Мне показалось, он силиться что-то разглядеть во мне. Однако, похоже, чего-то путного увидеть у него не вышло и он помрачнел.

— Тебе на сегодня хватит. Отдохни. Переночуешь сегодня здесь.

— Здесь? — негодующе произнес я. — Это не моя квартира. Я не хочу здесь ночевать.

— Если волнуешься насчет хозяев, то напрасно, никто не придет, — он засобирался, подойдя к входной двери. — А если попытаешься выйти до утра, то опять увидишь, как все начнет замерзать. И, скорее всего, замерзнешь сам. Тебе оно надо?

***

Наступил новый день. Безликий фрагмент осени. Небо по-прежнему застилали облака, беспрестанно окропляя понурым дождем. Поднявшийся ветер раскачивал деревья, угоняя их листья на заклание.

Город не изменился. Я посмотрел в окно и увидел все те же серые фигуры, спешащие по своим делам кто куда. Хотя мне с трудом верилось, что я сейчас видел людей. Живых людей с их чувствами.

А ведь и я, и они в чем-то схожи.

Мои губы, кажется, сумели расползтись в улыбке, и я отошел от окна. Чем же заняться? Выходить из квартиры мне не очень хотелось, поскольку это могло закончиться чем угодно. Да и вообще, смогу ли я выйти из нее? Вдруг, опять подойдя к двери, появиться иней?

Лучшим решением, наверное, было дождаться моего таинственного спутника. Поставив стул у окна, я присел и стал ждать. Длинной лентой потянулось время.

Однако он не пришел. Просидев все утро и первую половину дня, я так его и не дождался. Устав торчать на одном месте, я все-таки осмелился покинуть это жилище.

Одевшись, я аккуратно подошел к двери. Ничего не происходило. Моя рука медленно прикоснулась к ручке, я взялся за нее и потянул вниз: дверь открылась.

Я спустился по пустой лестнице и вышел из подъезда. В лицо ударил порыв ветра и неприятная морось. Стуже-

ный воздух принялся незамедлительно заползать под одежду. Немного постояв около дома, я принял решение добираться до своей квартиры. Путь предстоял неблизкий.

Подняв воротник, спрятав руки в карманы, я ровным спокойным темпом зашагал, лавируя между лужами. Помня о предупреждении своего вчерашнего «гида», мне подумалось, что и днем лучше действовать так, чтобы не привлекать излишнего внимания. Мне стоило слиться с этими улицами и их обитателями.

Навстречу прошагали две женщины. Они пробежались по мне своими пустыми, бессмысленными взглядами. Их лица напоминали маски: бесчувственные и опустошенные. Все эмоции, присущие человеку, были стерты. Но кем? И для чего?

Никогда раньше не было таких лиц, таких дней, такой погоды. Это мертвая осень.

Дальше прохожих стало больше. Они мало чем отличались друг от друга. И почти все поглядывали на меня. Сложно было определить по их физиономиям, чем это было вызвано: пугал ли я их чем-то, или же настолько не вписывался в окружающую действительность.

Я хотел сбежать. Изо всех сил рвануться вперед, по тротуарам, по полям, по лесам, нестись между деревьями, перепрыгивать через овраги… Лишь бы подальше от этого уныния, горечи и безысходности.

Только вот я не побежал. Замерзший, шел себе дальше.

Домой. Город, с одной стороны неизвестный, оставшийся в прошлом, которого, кажется, и не существовало, с другой, был хорошо мне знаком. Я знал, где можно срезать угол.

Оставалось совсем немного.

Поворот, за ним еще один, а вот и мой дом.

Все такой же.

***

Я взбежал по лестнице и попал в квартиру. Она ни капельки не изменилась с моего последнего визита. На секунду замерев, я решил прислушаться — может, Мурмукс скажет мне что-нибудь из ниоткуда.

Он промолчал.

Войдя, разделся. Попытался заняться чем-то привычным, обыденным. Включил телевизор. И опять мне никак не удалось понять, о чем говорили с экрана ведущие. Увеличив звук, сел в кресло напротив. Первый канал, второй — одни глупости.

Бросив в сторону пульт, я пошел принять душ. Переоделся. И тут вдруг в кармане свежих штанов из платяного шкафа, обнаружил фотографию.

Мир вокруг меня замер, когда я развернул сложенный полам прямоугольник. Я увидел себя — улыбающегося, радостного. Бок о бок стояли такие же люди — настоящие. Без масок. Может, друзья? К сожалению, ни одно лицо не вызывало во мне каких-либо воспоминаний. Сейчас, рядом с самим собой, я видел незнакомцев.

На заднем фоне зеленели деревья с большими сочными листьями. Мои пальцы сжали снимок — по телу растеклось тепло. Тепло лета и яркого солнца над головой.

Очень долго я сидел и разглядывал фото. Я вроде глядел на себя, но в тот момент мне чудилось, что совсем на другого человека, который остался далеко позади. Мне хотелось вспомнить себя таким. Но я не мог.

Глава 2. В оковах будней

Время шло: дни сменялись днями, таяли часы жизни. Казалось, мой разум начинал постепенно привыкать к произошедшим в этом мире переменам. Но я не жил, а просто существовал. Адаптируясь к этому миру, терял чувствительность.

Мурмукс исчез. Сколько бы я не ждал, он не появлялся. Последнее существо, которое ощущалось относительно настоящим и живым, просто испарилось.

Целыми днями я бродил по городу. Хотелось найти хоть что-то. Я пытался вспомнить, пытался разглядеть в лицах горожан ответы. В конце концов, эти серые тени — единственное, что осталось у меня.

Иногда я подходил к ним и пытался заговорить.

«Изв ини тева ся нез на юкт оты та кой», — они даже говорили странно, не по-людски.

Их голоса напоминали зажеванную пленку. Я сначала не различал слова, слышал только кашу и первое время вообще не воспринимал их речь. Когда они мне что-то говорили, то для меня это ощущалось хаотичным набором букв и звуков, вычленить которых что-то осмысленное было невозможно.

Безразличие и безысходность — черви медленно проникали в мое сознание, пока я дышал отравленным воздухом этого мира. Внутри многое менялось. Это чувствовалось с

каждым днем, с каждым часом.

Мои мысли становились черно-белыми, и от взгляда в зеркало я все чаще подмечал нарастающую пустоту своих глаз. Словно зараза, горечь окружающего, проникала все глубже и глубже.

«Беги, уходи отсюда», — повторял внутренний голос, единственная часть меня, удерживающая тепло жизни.

Несколько раз я пытался сбежать. Сначала на электричке, потом пешком.

К сожалению, выбраться не удалось. Как только у меня получалось немного удалиться от города, когда последние дома скрывались за спиной, накатывал ужас.

«Что там будет дальше?», — беспокойно твердил я себе.

Эта неизвестность, она била в мозг, буквально разворачивая тело в другую сторону. Липкий, холодный страх, неожиданно волной накатывал на меня. Что-то тянуло назад, что-то такое, что сдавливало горло невидимой удавкой. И тогда, я либо бежал обратно, либо дрожащими руками дергал стоп-кран.

Рушились последние границы реальности. Меня словно заперли в этом городе, посадив на прочную и короткую цепь — страх.

Существование превратилось во что-то однообразное. Исчезали дела, интересы и проблемы. А скоро исчез бы я. Человек, который ничего не видел, которого зажали в угол, уставший от собственной беспомощности. От бездействия.

Без прошлого и, видимо, уже навсегда затерявшийся в серой реальности.

Нет ответов.

Я один.

Сам с собой.

***

Прозвенел звонок.

Мурмукс?!

Рванувшись в коридор, я, не спрашивая, распахнул дверь. Однако на пороге стоял незнакомый мне человек. Простой горожанин — это легко читалось по пустому взгляду.

— Чего тебе? Ты квартирой ошибся.

— Т ымен я зн ае шь. Эт окв арт ира сор ок.

— Почему я тебя должен знать? — хоть и кое-как обвыкнувшийся, но я с трудом смог разобрать сказанное им.

— И звин и яош иб ся, — незнакомец развернулся и направился вниз по лестнице.

Я закрыл за ним дверь.

Что за чепуху он нес? «Ты меня знаешь», — интересно, он спросил меня или просто сказал? С таким голосом без эмоций я не мог точно определить верную интонацию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.